

Николай Фотьев

В СТЕПИ ЗА ЗЕЕЙ

ОЧЕРК

Из конца в конец, там и тут во всех направлениях разбежались по степи телеграфно-телефонные столбы и пронесли на своих плечах многочисленные нити проводов. Большие металлические опоры с проводами высокого напряжения выделяются особо. Ажурное их железо, раскаленное морозом и густо заиндевелое, гудит, как туго натянутый трос. Тревожно и зябко гудят провода. Зима, мороз, поддувает... Через высокое черное шоссе, стелясь и извиваясь, ползут белые языки поземки. Вымороженный снег кочует по амурской степи от синеватых торосов Зеи до отрогов Малого Хингана, и кажется, не будет конца этому белому движению. Но утихнет ветер—снег остановится, жесткие сугробы замрут близ каких-нибудь преград, а ровные открытые места почти оголятся.

Снега в степи мало. Редкую зиму он полностью укрывает гребешки зяби и щетку стерни. До весны его несколько раз перегонят ветры в разные стороны, он станет еще более сыпучим и подвижным, а потом постепенно испарится. Лишь в понижениях и там, где были большие сугробы, растекутся невзрачные озера талой воды и на время жировки облюбуют эти места утки да гуси. Потом все высохнет, стечет в распадки, и степь начнет сильно парить, заколеблется светло-студенистое марево. Над поверхностью уходящих к горизонту полей оно будет видеться, как сплошные призрачные разливы, полные зеркального блеска, а дальние рощи и деревни поплывут в них и закачаются, словно на волнах.

Но сейчас разгар зимы, канун Нового года. Только что закончился съезд колхозников — событие, важное для всего народа, и в степи — вместе с кочующим сне-

гом, силуэтами затуманенных сел, полевых станков, бегущих машин и телеграфных столбов — чувствуется близость новых перемен.

В командировочных разъездах я много раз повидал эту степь всю — с запада на восток, с севера на юг. Пролетая на самолете, видел, как вся она распахана и обжита, все разлиновано, очерчено и очень похоже на то, как изображают хлебные места на ученических картах.

Весной, с первым теплом, потревоженная бороной и плугом, степь быстро одевается в черное. И когда будет распахано и засеяно последнее поле, там и тут проступят нежно-зеленые квадраты ранних посевов.

Потом она будет сплошь зеленая, и только опытный глаз отличит одно поле от другого. Там пшеница, там соя, а вон то поле, с круглым лиманчиком внутри, — кукурузное.

В пору цветения, в пору налива и созревания хлебов степь будет раскрашена яркими и веселыми цветами, словно прошлась по ней кистью и красками старательная и щедрая детская рука. Поля станут золотистыми и охристыми, светло-лимонными и буроватыми, молочно-серебристыми, как снег в лунную ночь, сизыми, как свежий срез на металле, и свекольно-лиловыми...

Комбайны простригут первые загонки, начнется уборка. Сверху отрадно будет видеть, как много машин вышло на поля, как быстро продвигается жатва. Вон на одном поле целый десяток комбайнов. Идут косяком, уступом друг за другом, как шли, бывало, косари по лугам, и хорошо видно, как свежее жнивье отличается от поля с колосом, как выстраиваются кубики свежих соломенных куч, как подворачивают к выгрузным шнекам кузова машин. Стоит над степью желтовато-сиреневая роздымь хлебной страды, поля и луга пестрят копнами и стогами, там и тут растекаются дымки пожогов, полевых кухонь, пастушьих костров, там и тут снуют машины, и все четче обозначаются полевые дороги и просто колеи. А по сельским улицам струится дрожжевой хмелящий дух только что выпеченного хлеба из зерна нового обмолота.

Когда уберут хлеба и сложат в ометы солому, степь сверху покажется уютной и прибранной, ярко будут

выделяться на зеленой отаве и сжатых полях пестрые, как цветная фасоль, коровьи стада. Только аспидно-черные поля зяби придадут степи пустоту и холодность. Но хлебороб тем довольней, чем больше черного,—это земля, уже поднятая для будущего урожая.

Зимой степь однообразна — сплошное белое покрывало снега. Пар и дым столбятся и стелются над селами. Но всегда, в любое время, чувствуешь, что всего тут коснулась трудовая человеческая рука, что все тут обжито, дышит и готовится к новой страде.

Такой я вижу степь каждый год и мысленно пытаюсь представить ее в ту пору, когда еще не коснулись ее орудия земледельца.

... Дикий, пустынный, необъятный и неведомый еще миру амурский край. Ничто не нарушает веками устоявшегося дремотного покоя. Леса, долины, топи, горы... От Забайкалья и Якутии на тысячи километров тянутся узкие и широкие полотна рек. Две из них, самые могучие, сшибаются наконец и долго текут, как бы по отдельности, не соглашаясь слиться воедино, ибо еще неизвестно, какая из них уступит другой по мощи и протяженности. Воды одной свинцово-синеватые, второй — светло-желтые, зеленоватые. Амур и Зея. Но через несколько километров это уже одна река — Амур-батюшка. Близ отрогов Малого Хингана он принимает светлые струи Буреи и, все более мужая, катится дальше, к океану.

Между Зеей и Буреей лежит широкая равнина, похожая издалека на степь. Но это еще пока не степь. Чистые широкие увалы то и дело перемежаются лесами, и никто не сказал бы сразу, лесная это равнина или степная. Пролетающие птицы видят здесь табуны диких свиней, коз, оленей. Изредка мелькнет гибкий полосатый хребет забредшего сюда тигра. В зарослях лещины, шиповника в мелколесьях и высокой траве обитают миллионы фазанов. В летние дни из пучин здешних вод взмывают гигантские рыбы, каких нигде больше нет, и, отряхиваясь, рассыпая серебряные фонтаны, с шумом валяются в волны...

Неумолим ход времени и неизбежны перемены на лице земли. Обширный амурский край, где лишь изредка встречались тунгусские и даурские поселения, дол-

гое время был ареной притязаний пришлых людей — маньчжуров, монголов, китайцев. Здесь с чуждых им малых племен можно было брать неограниченный ясак. Но все дальше на север и восток уходили привыкшие к свободным кочевкам здешние люди, и амурское левобережье на долгие годы оставалось пустынным. Слишком много требовалось мужества, труда, выносливости, сметки, храбрости, чтобы устоять в этом краю и обжить его, слишком далека была эта земля от каких-либо цивилизаций.

Но вот дружины Ермака открыли путь на восток, и почти все дальнейшее освоение Сибири совершилось мирным путем. Все дальше шли русские люди, и в начале семнадцатого века они все чаще стали появляться на амурских покатых. А Москвитин первым из европейцев успел побывать на самом краю земли — на берегах Тихого океана. Пришли на Амур и Зею Поярков, Хабаров и многие другие, чья слава первооткрывателей вовеки останется нетленной.

Почти до конца XIX века история Приамурья отмечена подвигами русских людей. Неисчислимы страдания были принесены в жертву далекому необжитому краю первопроходцами. История и слава Албазина еще ждут своих исследователей и певцов. Оттуда же, из Албазинского воеводства, пошло и первоначальное амурское земледелие. Еще когда степь за Зеей лежала нетронутой, албазинцы засеивали больше тысячи десятин земли и получали добрые урожаи.

Да, я пытаюсь представить эту степь еще не заселенной и хочу оценить по достоинству подвиг тех, кто первым пришел сюда, поднял эту землю и заставил ее щедро одаривать людей хлебом. «Пашенной земли гораздо много», — доносили в своих отписках землепроходцы. Но очень уж крепка и неподатлива была от века не троганная земля. Первым земледельцам, чтобы вспахать ее на глубину от двух до четырех вершков, требовалось две — четыре пары волов или три — четыре крепкие лошади.

Первыми обживателями и устроителями здешней земли были все те же беглые, гулящие, охочие, промышленные и прочие не угодные тогдашнему правительству люди. Позднее появились казачьи поселения, казармы штрафных солдат и ссыльных. Потом — пере-

селенцы-крестьяне, о которых надо бы рассказать многое. Но это уже отдельная тема. Напомним лишь, что ко времени установления Советской власти в Приамурье проживало 370 932 души, при средней плотности 1,1 человека на квадратную версту. Крестьян насчитывалось 241 529, то есть 65% всего населения. 36 280 крестьянских и казачьих хозяйств располагали пашней в 657 358 десятин. По количеству жнеек, молотилок, веялок и плугов, приходившихся на каждую сотню хозяйств, Приамурье занимало одно из первых мест в тогдашней России, и надо отдать должное трудолюбию, настойчивости и смекалке амурских крестьян, поднявших целинную степь и учредивших на ее просторах доходное хлебопашество.

Иные по рассказам отцов и дедов еще помнят сплавы по Амуру и строительство (на костях каторжан) «амурской колесухи». Рассказывают, что раньше тут кругом был лес, дровами запасались прямо возле хат и лес на постройку рубили тут же. А теперь вон — степь... Старики вспоминают наводнения, палы, хунхузов, спиртоносов, наказных атаманов, американских торговых агентов. Вспоминают, как очень уж давнее, заведения «Чурина и К°», алексеевские мельницы и пароходы, торговые дома «Кунста и Альберса», разгулы золотопромышленников и шалаши бездомных бродяг на месте теперешней благовещенской пристани. Вспоминают партизанские битвы и подвиги. Старые хлебоборобы нет-нет да и заведут речь о первых коммунах, тозах, первых колхозах, МТС и совхозах, называют трактора полузабытых марок.

Ну а то, что было позже, помнят хорошо многие. Были победы, были и неудачи на трудном пути колхозно-совхозного строительства, ибо это был новый, никем еще не торенный путь. В общем-то, пожалуй, больше было трудностей. Нелегко росли и развивались наши села. Зато теперь уж никому не в диковинку, когда в одном только хозяйстве насчитывается сто — двести тракторов, сотни комбайнов, чего, собственно, не было даже в зонах крупных МТС, имеются дом культуры городского типа, школа-интернат, детский и бытовой комбинаты, многоквартирные дома с телевизорами, холодильниками и прочим, что прежде входило лишь в быт зажиточного горожанина.

Во всех отношениях амурская деревня поднялась настолько высоко, что было бы неправомерно сравнивать ее нынешний уровень даже с тем, что было пятнадцать лет назад. Проезжая зазейские села, всюду видишь стрелы подъемных кранов, целые улицы кирпичных домов, построенных на городской манер, превосходные здания домов культуры, высокие, напоминающие минареты, водонапорные башни, целые городки животноводческих помещений, обширные комплексы зерновых дворов. Есть уже водопровод, газ, АТС. В домах обычны электроприборы, — недаром степь во всех направлениях пересекают столбы и опоры проводов высокого напряжения.

Ныне амурские крестьяне засевают более полутора миллионов гектаров земли, и земля эта по праву считается житницей Дальнего Востока. Приамурье—главный цех страны по производству сои; благодаря этой культуре большинство хозяйств получает миллионные доходы.

До революции амурские крестьяне имели в своем распоряжении 121 942 лошади. Сейчас на Амуре работает 11 345 тракторов, а в переводе на 15-силыные — более 28 000. Это 420 000 лошадиных сил. Если же перевести в «лошадей» силу комбайновых, электрических и автомобильных моторов, то наберется еще полмиллиона. Да еще мотоциклы и мотороллеры. Пожалуй, больше миллиона лошадиных сил находится сейчас в распоряжении амурских земледельцев.

Да, перемены разительные.

Но значит ли это, что всюду и все у нас обстоит совсем благополучно, что нет больше никаких трудных задач и проблем, ничего такого, что требует новых творческих поисков и полного напряжения ума и сил? Нет, разумеется. Жизнь не стоит на месте и выдвигает все новые задачи, в том числе и такие, о которых прежде не было разговоров даже в перспективных планах.

Когда мы подводим итоги, то рассматриваем их как результат большого постоянного труда: сделано столько-то, и благодаря таким-то методам. Но, как показывает анализ, как диктует здравый смысл, некоторые методы следует заменить новыми, а полезный опыт развить и усовершенствовать. Словом, как всегда, вслед за итогами встают новые задачи, во многом непохожие на преж-

ние, и это верный признак движения вперед, признак прогресса. Амурским хлеборобам тоже предстоит решать еще немало.

Наверно, ни один человек, хоть как-то связанный с сельским хозяйством, не остался равнодушным, когда в зимние дни 1969/70 года был опубликован «Примерный устав колхоза». Прошло тридцать пять лет с появления первого устава, и много за это время накопилось такого, что настоятельно потребовало существенных дополнений, изменений. Они, эти изменения и дополнения, тем хороши, что не свалились, как снег на голову, а появились и долгое время проверялись и совершенствовались на практике. Да и принятию устава предшествовало длительное и всестороннее его обсуждение. Так и должно быть в сложных земельных делах. У кого память не коротка, те помнят, конечно, к чему в свое время привели скоропалительные «новшества», с легкостью необыкновенной поддержанные и раздутые на местах беспринципными людьми, — как недавно удачно назвал их известный публицист Г. Радов, «инициативщиками».

Главный разговор, конечно, о земле и хозяйском ее использовании. В докладе об основных положениях и особенностях нового устава говорилось: «Земля — основа жизни и благополучия народа. В отличие от машин, она, как известно, обладает замечательным свойством: не стареет, не изнашивается. Если с нею разумно обращаться, она улучшается, ее плодородие растет».

А разумное обращение с землей — дело, которое не каждому под силу, и важность его трудно переоценить. Ведь сплошь да рядом у соседних хозяйств, находящихся в совершенно равных условиях, разные результаты хозяйствования. Значит, кто-то обращался с землей более толково. Один мой знакомый агроном сравнивает труд хлебороба с творчеством шахматного гроссмейстера, который тем успешнее проведет сражение, чем больше будет предвидеть ходов и вариантов как со стороны противника, так со своей стороны. Правда, хлебороб действует не на шахматной доске, а на громадном пространстве хлебного поля. Блицтурнир — не его манера, он «играет» весь хозяйственный год, в любую погоду, и только в

конец года становится ясно, выиграл он сражение или проиграл. И сражается хлебороб не с одним, а сразу с дюжиной всевозможных противников. Тут и капризы природы, и эрозия почвы, и колебания уровня влаги и температуры, и сорняки в несметном своем разнообразии, и грызуны, и вредные насекомые. А к тому же подчас чьи-то не очень научные рекомендации, и чрезмерное старание уполномоченных, и нехватка удобрений, запчастей, и многое другое. А он обязан выиграть, он должен быть тем сильнее, чем больше в его руках научных знаний, техники, личного и общественного опыта.

Сейчас редко найдешь председателя колхоза или директора совхоза без агрономического или экономического образования. Но и теперь они во многом разные, ибо одинаковых людей, а стало быть и специалистов, нет. Одни тверже, увереннее стоят на своем, логика и аргументация их сильнее, убедительнее, другие придерживаются золотой середины, трети, а такие есть еще, к сожалению, ждут указаний свыше, дабы лишнего не думать и не делать, а в случае чего и защита была (мол, я получал указания).

Потребность в большей самостоятельности наших хозяйств возникла уже давно. Сельские кадры за сорок лет коллективного хозяйствования окрепли настолько, что в няньках уже не нуждаются. Да и прежде лишние указчики мало пользы приносили. Ведь даже дети требуют: «Я сам!» И конечно же, несравненно лучше, если человек делает свое дело сам, а не с помощью многочисленных наставников. Хирург, лечащий больного, действует глубоко самостоятельно, на основании своих знаний и опыта, которые не что иное, как знание и опыт всего человечества, сосредоточенные в одних руках. И мы доверяем этим рукам. А хлебороб, лечащий землю-роженицу, частенько испытывал тычки, дерганья, нагоняи как раз в то время, когда действовал самостоятельно. А ведь в его руках тоже сосредоточены знания и опыт многих поколений земледельцев, и мы ему должны доверять не меньше, чем хирургу во время операции.

Хорошо, что новый устав узаконивает и значительно расширяет самостоятельность и инициативу колхозов, по новому решает многие вопросы их деятельности. «Размеры отчислений на пополнение основных и оборотных фондов определяются теперь самими колхозниками с уче-

том обеспечения роста общественного производства. Изменился и порядок планирования. Прежний устав обязывал принимать к исполнению планы сева, уборки и других работ, устанавливаемых сверху государственными органами. Ныне колхозы сами составляют и утверждают план своей хозяйственной деятельности. Отправным началом для его разработки является твердый план-заказ продажи продукции государству на ряд лет».

Новый устав закрепил права колхозников на получение гарантированной оплаты, более правильное распределение доходов, получение пенсий, право устанавливать прямые связи с государственными магазинами и потребительской кооперацией, продавать продукцию на колхозном рынке. Колхозы теперь вправе развивать подсобные предприятия и промыслы, а также объединяться для решения задач, связанных со специализацией производства, развитием подсобных предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов и организацией их сбыта, по выращиванию и откорму скота, строительству и производству материалов, необходимых для благоустройства сел.

Многое из того, что закреплено ныне колхозным уставом, в той или иной мере уже применялось на практике несколько лет. Скажем, хорошо зарекомендовали себя строительные организации «Межколхозстрой», действующие на паевых началах. Строительство дорог и ремонт техники на договорных началах между колхозами и другими организациями осуществлялись и раньше, но, разумеется, не с той широтой, какую предоставляет новый устав. Распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению некоторые председатели ухитрялись и раньше. Но это грозило наказанием. Теперь дело обстоит совсем иначе.

Видимо, должны измениться и функции специалистов сельского хозяйства. Прежде им часто приходилось заниматься не своим прямым делом. Мечта каждого специалиста-аграрника, — чтобы его поменьше отвлекали на всякие заседания, экспедиторские рейды, писание сводок и так далее. Ученый агроном или ученый зоотехник должен не только носить в себе большой заряд научных знаний, но и иметь полную возможность научно заниматься практикой, проверять свои знания на деле, экспериментировать. Без такой практики он еще не полноценный спе-

циалист. А мне во время поездок по колхозам и совхозам частенько приходилось видеть, как агроном или зоотехник упрашивает разрешить ему провести то или иное мероприятие, поставить тот или иной опыт. Странно было смотреть, как специалисты добывают гвозди, стройматериалы, уговаривают кого-то не трогать зерно, предназначенное на фураж или семена.

Речь идет теперь о более правильном использовании специалистов всех степеней, в руках которых сосредоточены колоссальные ценности человеческих знаний. Сошлюсь на выдержку из брошюры известного советского экономиста В. И. Терещенко «Организация и управление»: «...при правильной организации не должен нарушаться экономический принцип, согласно которому ни один человек высокой квалификации, получающий большую зарплату, не должен делать работу, которую может выполнить человек меньшей квалификации, получающий более низкую зарплату. Нарушение этого правила повышает себестоимость производства и ведет к расточению человеческих ресурсов».

Недостаточная оценка роли и мнений специалистов, как мне кажется, привела к тому, что один из коренных вопросов амурского земледелия до сих пор находится в стадии разрешения, хотя агрономы поднимают этот вопрос уже долгое время.

Вопрос этот — севообороты и урожайность сои. Без севооборотов, как известно, нельзя говорить о культуре земледелия.

●

О севооборотах говорят у нас давно, и никто не отрицает их великого значения. Когда разругали «травопольщиков» и согнали с полей травы, вниз покатались не только урожаи, но и качество продукции. Справедливость восторжествовала, «травопольщики» реабилитированы, и наряду с пропашной системой успешно развивается травопольная. Но у нас, на Амуре, есть своя особенность: большие площади под соей. Соя, слов нет, очень нужная и выгодная культура, и не зря по отношению к ней употребляются восхвалительные слова: «при соевом зерне — много сала на свинье», «чудесница», «богатырская культура» и так далее. Именно из-за своей ценности соя в свое

время заняла у нас почти половину полей в структуре посевов. Другая половина осталась для всех других культур. При таком положении трудно соблюсти более или менее рациональное чередование культур, с таким расчетом, чтобы каждая из них была хорошим предшественником для следующей. Дело дошло до простейшего чередования: зерновые — соя; соя — зерновые. Это уж не севооборот. Конечно, как предшественники эти культуры помогают друг дружке, но борьба с сорняком при таком «севообороте» сводится почти на нет.

Сою обычно убирают поздно, иной раз по мерзлоте. Если иногда и удается после ее уборки взлущить поле или вспахать его на зябь, то семена сорняков уже не успевают прорасти, а значит осенью уничтожить их нельзя. На будущий год это поле обычно идет под пшеницу, которую сеют рано. Сорняк еще не успел взойти, а поле наскоро готовят и поскольку время не ждет, сразу засевают. И вот вместе с пшеницей прорастает несметное количество сорняка. Так бывает, когда соевища удается вспахать с осени. Иногда и это не удается, — если рано наступят заморозки. Но весной ждать, пока соевища оттают, чтобы их вспахать и засеять зерновыми, бывает рискованно: время идет, а зерновые сеять негде. Есть, правда, зябь, которая вспахана после зерновых. Она предназначена для сои. А поскольку тянуть с посевом хлебов опасно, зерновыми частенько засевают эту же самую зябь. Зерновые идут по зерновым. Значит, вообще никакого чередования культур. И хорошею урожая ждать, конечно, не приходится. Для сои в этом случае остается весновспашка из-под сои же — худшая из вспашек. И тоже — никакого плодосмена. Лишь незначительная часть хлебов и сои идет по другим культурам — кукурузе, овощам, кормовым травам.

А сорняк по-прежнему остается не уничтоженным. За несколько лет такого «севооборота» в земле накапливается столько сорных семян, что даже на самой ранней зяби удается уничтожить лишь малую часть их. Боронования и культивация тоже помогают лишь частично.

Правда, в последние годы все больше применяются гербициды. Но это палка о двух концах. Знакомый мне ветеринарный врач, кандидат сельскохозяйственных

наук, приведя меткую фразу о том, что медик лечит человека, а ветеринар — человечество, с горечью говорил однажды:

— Гербициды ведь не только губят сорняки, мошек да блошек. Это же яды. Если культурные растения не поддаются им, выживают, так это за счет приспособляемости. Как и ко всякому постороннему воздействию, они приспосабливаются и к ядам, даже аккумулируют их. В итоге мы с хлебом, а животные с травой и зерном тоже поглощают яды, которые накапливаются уже внутри живого организма. Правда, пока в неопасном количестве. Но ведь все это до поры до времени. Проходят годы, и кто знает, когда незаметно подкрадывается опасность? Появляются неизвестные доселе заболевания...

Учеными доказано, что многие яды — источник так называемых канцерогенных веществ, способствующих заболеванию раком. Как же можно рисковать здоровьем человека, если лишний кусок хлеба можно получить иным, более разумным способом?

Конечно же, если по-настоящему заботиться о здоровье человека, нужны не химические, а чисто агротехнические меры борьбы с сорняками. Это гуманнее по отношению и к самим себе и ко всей живой природе. А пока ежегодно составляются заявки на гербициды, объем авиапрополки все увеличивается. Однако и это мало что дает. Если урожай зерновых, в основном за счет новых сортов (Амурской 74 и других), за счет увеличившейся нормы высева, лучшего качества обработки земли и роста технической мощи за последние годы поднимался, то урожайность сои осталась почти на том же уровне: за последние десять лет она (в среднем по области) выглядит так: 4,3; 5,8; 5,5; 2,9; 4,3; 7,5; 6,4; 5,8; 5,3 центнера с гектара.

Выходит, и гербициды сое не помогают, ибо сорняк при двухполке неистребим. К тому же соя по-прежнему занимает добрых сорок процентов в структуре посевных площадей, а в некоторых хозяйствах — и больше. Получается порочный круг. Урожайи сои не растут потому, что не удается соблюдать чередование культур и успешно бороться с сорняком, а это в свою очередь, обусловлено слишком большим удельным весом сои в структуре посевов.

Ясно, что необходимы более разумные севообороты. Соя — зерновые, зерновые — соя это лишь подобие плодосмена. При таком положении сою можно взять лишь за счет большой площади, что противоречит идее интенсификации сельскохозяйственного производства. К тому же и рост урожайности зерновых сдерживается.

Несколько лет назад предлагался такой выход: осваивать новые земли, перемещать на них часть зерновых и сои, а старые, засоренные пашни посредством пара постепенно очищать от сорняка. В принципе, это верно. Только за счет чистого пара и хорошей обработки его можно избавиться от сорняка. Но где взять столько новой плодородной земли, чтобы не снизился уровень сбора хлебов и сои, а старые пашни подверглись очищению посредством чистого пара? В большинстве районов, располагающих хорошими землями, целины нет, все, что годится, распаханно, даже луга и пастбища прихвачены.

Значит, новые земли — не выход из положения, тем более, что и они не бесконечны. И вообще, большие площади без высоких урожаев — отнюдь не признак культурного земледелия. Главное — урожайность и себестоимость. Взять хлеб любой ценой — это осужденная практика, ибо «любая» цена берется из нашего же кармана, а новые земли через два-три года становятся старыми. При двухполке они быстро засоряются.

Сейчас в большинстве хозяйств чистые пары не превышают десяти процентов пашни. Значит, чтобы вся пашня прошла через чистилище пара, потребуется не менее десяти лет! Такая «борьба» с сорняком ничего не дает. Рядом с одним чистым полем постоянно будет девять засоренных. А ведь одно сорное поле в состоянии засорить десяток чистых. Даже если соседние хозяйства не ведут одновременной борьбы с сорняком, поля более рачительного хозяина сильно страдают от «засоренного» соседа.

Но и эти несчастные десять процентов нынче, как правило, отводятся не под зерновые и сою, а под овощи: на овощных полях трудно бороться с сорняком машинным способом, так что лучше размещать овощи по чистому пару. Значит, ни хлеб, ни соя от теперешних так называемых чистых паров никакого проку не имеют. Правда, есть еще поля занятого пара. Чаше

всего это кормовые травы. Но эти занятые пары, к сожалению, и сорняк занимает весьма успешно.

Нужно больше чистых паров. Агрономы авторитетно утверждают, что тот же гектар земли, избавленный от сорняка, без всяких дополнительных затрат может дать вдвое и втрое большую урожайность в первый же год, то есть окупить затраты на чистый пар и незасеянную площадь и обеспечить рост урожайности в последующие годы. Удобрения на чистой земле тоже дают несравненно больший эффект.

Почему же, несмотря на очевидные выгоды чистых паров и разумного севооборота, эти проблемы в амурском земледелии все еще не решены?

На то есть причины. Одна из важнейших, как ни странно это звучит, — высокая доходность сои. Даже многие агрономы — выпускники последнего десятилетия, не имеющие, кстати, практического опыта работы с севооборотами (ведь около десяти лет назад и увеличились резко площади под соей), сомневаются: не снизится ли валовой сбор сои, если ввести севооборот, в котором пятая, а то и третья часть земли останется под чистым паром? А как же план-заказ? Доход? Ведь главный доход от сои. О хозяйственниках и говорить нечего. Для них лучше уж так, как есть, лишь бы не сократились площади под соей. Пусть она уродит даже по три центнера с гектара, и то выгодно. Ведь центнер ее стоит 26 рублей! Хоть и мала урожайность, деньги нужны сегодня, государству соя нужна сегодня, а там видно будет...

Но рассуждать так — значит думать только о сегодняшнем дне, не заглядывая в будущее. Чтобы дом стоял долго и прочно, нужен хороший фундамент. Разумный севооборот с достаточным количеством чистых паров — и есть такой фундамент для амурского земледелия. Первый его результат сказывается лишь на будущий год, хотя зачастую может окупить недобор начального года. Но главные результаты — последующие годы. А самые главные, — когда завершаются первая, вторая и последующие ротации, когда поля действительно очистятся от сорняка и начнется разумное чередование культур, каждая из которых способствует повышению урожайности той, которая следует за ней. И тогда гектар земли даст втрое — впятеро большую

урожайность. Это и будет реальным выполнением задачи, которая поставлена июльским Пленумом ЦК партии 1969 года.

Петр Ильич Баранас, директор Чесноковского совхоза, что на юге Михайловского района, вспоминает:

— Еще в 1948 году, вскоре после войны, когда я работал в учхозе Благовещенского сельхозтехникума, затевали мы с А. С. Дугинцовым звенья, типа ефремовских на Алтае. Он получил тогда по 28 центнеров сои на каждом из 150 гектаров...

Учхоз этот и нынче выгодно отличается от других хозяйств. Там вот уже двенадцать лет существует пятипольный севооборот. Дмитрий Иванович Белько, до недавнего времени бывший директором этого хозяйства, рассказывает:

— Принял я это хозяйство в 1958 году. С тех пор почти заново вырос наш поселок Дроново. Хорошие дома, типовые механизированные производственные постройки, водопровод, удобные дороги, лесопосадки, севообороты... Все двенадцать лет — полный хозрасчет, звеньевая организация труда. Несколько раз наше хозяйство было участником выставок. По Сибири и Дальнему Востоку оно признано лучшим среди подобных хозяйств...

С введением севооборота урожайность полей учхоза повышалась ежегодно. Вначале зерновых собирали 10 центнеров с гектара, сои — 6,6. После завершения первой ротации, то есть через пять лет, с гектара было получено зерновых 15 центнеров, сои — 8,6. Еще через пять лет, после завершения второй ротации, урожайность зерновых достигла 26, а сои — 10,5 центнеров с гектара. В последующие годы можно ожидать еще более высоких урожаев, если, конечно, не будет нарушен севооборот.

Всероссийский институт сои — ранее областная опытная станция — долгое время не мог похвастать особыми успехами, хотя уж здесь-то были все условия. Хозяйство учхоза, о котором шла речь, находясь с ним в непосредственном соседстве, имело более высокие показатели. Но вот институт решился наконец пойти на сокращение площадей под соей и увеличил площадь под чистым паром. И что же? Еще в 1965 году урожайность сои здесь составляла каких-то 4,3 центнера. А в последние годы она твердо держится на уровне 10—10,5 цент-

нера. Площади под чистым паром увеличились в два с лишним раза, а под соей сократились. А сбор сои и хлеба увеличился. Появилась возможность осваивать полноценный севооборот.

В то же время соседи — Волковский совхоз и учебно-опытное хозяйство Благовещенского сельхозинститута Грибское — топтались на месте. Сои они получают в среднем по 5—7 центнеров с гектара, хотя именно в Волковском совхозе трудится теперь знаменитый амурский соевод А. С. Дугинцов.

Остается сказать еще, что и в решении острейшей проблемы — создания прочной кормовой базы для скота — без севооборота тоже не обойтись. Высокий урожай — это и обилие кормов для животных, и их высокая продуктивность. Где этого нет, животноводство убыточно. Если предвидится не очень сытая зимовка, руководители хозяйства стараются еще до стойлового периода сбыть «лишние» головы, иначе неизбежны потери веса, недокорм и сопутствующие ему заболевания. И вот идут в преждевременный расход бычки-маломерки, «неплеменные» телки, преждевременно выбракованные коровы и все прочее, что кажется на сегодня менее важным. Но и при этом обычно зимой начинаются падеж, потери веса, поиски кормов на стороне и выколачивание их у государства.

Если посчитать убытки, которое приносит животноводство в результате недокорма, то они в ряде случаев оказываются выше прибыли, которую хозяйство получило за сверхплановую продажу зерна. Правда, все это как бы скрыто внутри сложного хозяйственного цикла и не сразу бросается в глаза. Но не случайно хлеба у нас вдоволь и он дешев, а с мясом все еще случаются перебои и стоит оно дорого.

А вот в учхозе сельскохозяйственного техникума, о котором шла речь, последнее десятилетие не существует проблемы кормов. В отдельные годы учхоз даже продавал излишки — в частности, силос и солому, — другим хозяйствам. Это одно из весомых преимуществ внедрения севооборотов.

Теперь, когда партия поставила задачу резко улучшить положение не только в полеводстве, но и в животноводстве, медлить с повсеместным внедрением севооборотов больше нельзя.

В связи с требованиями разумного использования главного богатства народа — земли, рядом с проблемой культуры земледелия становится проблема рациональной организации труда в сельском хозяйстве.

Еще в начале минувшего десятилетия на амурских полях получила хорошее применение звеньевая система организации труда. О ней много писали и говорили, звеньевые делились опытом, планами, предположениями. Сразу вслед за созданием комплексных механизированных звеньев заметно стала подниматься урожайность, особенно сои.

Звенья бесспорно оправдывали свое назначение. Надо было в каждом, кто прикасается к земле, воспитать рачительного хозяина, мастера земледелия. Необходимость эта диктовалась многими причинами. В колхозах еще была привычной та организация труда, которая сложилась во время МТС. Механизатор получал за выработку, за количество гектаров мягкой пахоты, сколько и чего в нарядах запишут, а не за то, сколько хлеба вырастет на обработанных им полях. Ему, в сущности, не было острой необходимости заботиться о повышении урожайности, он был просто исполнителем, подрядчиком. Пусть об урожае думают другие — агрономы, бригадиры. Пахал один, сеял другой, боронил третий, убирал четвертый, на одном и том же поле разные люди работали, и по-разному, конечно. Брак, огрехи, потери, поломки обнаружатся, а спрашивать, вроде, и не с кого. Поди разберись, чья вина, чья заслуга. Работали, как говорят, «чохом».

Несоответствие это сложилось по известным причинам. Две формы собственности — государственной в лице МТС и колхозной — не всегда удачно совмещались в сложном сельскохозяйственном производстве. С реорганизацией МТС и передачей техники в руки колхозников прежний порядок оплаты отжил свое. Хозяинничать теперь следовало с таким расчетом, чтобы не просто пахать и сеять, а давать как можно больше продукции, доходов, чтобы и государству была польза, и колхозу, и каждому колхознику.

С появлением звеньев, за которыми закреплялись определенные земельные площади и техника и у которых

были теперь конкретные планы работ, урожайности, себестоимости, денежных доходов, экономии, — и начал осуществляться хозяйственный расчет. Каждый пахарь должен был стать настоящим хозяином земли и мастером на ней. Иначе бы он мало чего достиг. Хозяин и мастер своего дела — это гарантия успеха. В этом и заключалась логика звеньев.

После первых рекордов знаменитого звеньевоего, ныне Героя Социалистического Труда, Антона Семеновича Дугинцова там и тут на Амуре стали появляться столь же отрядные результаты. Кое-где даже превзошли дугинцовские урожаи. И это лишний раз подтвердило жизненность начатого движения.

За последние годы почему-то ослабло внимание к звеньевой организации труда. Сейчас не так уж много осталось хозяйств, где не формально, а по существу применяется эта форма организации труда. Даже Антон Семенович сетует на этот счет. В чем же дело? Почему притихли разговоры о новой организации труда?

Во многом это связано с настороженным отношением к звеньям некоторых специалистов и руководителей хозяйств. Была, например, такая точка зрения: звеньевая организация труда с закреплением определенных площадей, техники и лимитов, — это пострафление частнособственническим настроениям. Звеньевой и члены звена начнут чувствовать себя этакими хозяйчиками, никто им не указ, а требуют больше, чем в бригадах. Удобрения им подавай во что бы ни стало, семена наилучшие, сроки работ определяют сами и работают иной раз как проклятые, на износ, потому что впереди маячат большие деньги. А это неправильный стимул.

Другие дополняли. Если в бригаде поломался, скажем, комбайн, то беда невелика. Другие машины перебросят туда, где хлеб вызрел. А в звеньях что получается? У Петрова хлеб готов, пора убирать, а комбайн сломался. А у Иванова хлеб еще не вызрел, но комбайн в исправности и мог бы убирать поле Петрова. Однако Иванов жалеет свой комбайн, не дает, понимаешь. Ведь он за ним закреплен. А в бригаде проще: вся техника в руках бригадира, и как он считает нужным, так и маневрирует ею.

Третьи напоминали, что звенья вообще требуют больше техники — больше, чем было бы достаточно

при бригадной форме. Ведь каждому из них надо во время управиться со своим планом.

Все эти точки зрения исходят, разумеется, из здравого смысла. Разве только насчет частнособственнических настроений натяжка получается. Действительно, звенья предъявляют повышенные требования к агрономам, механикам, руководителям хозяйств, снабженцам. Мало того. При звеньевой организации труда во многом видоизменяются функции управляющих, агрономов, вообще руководителей. Если для бригад обычно составляют планы, а потом предъявляют соответствующие требования для выполнения оных, то звенья в большинстве случаев сами предъявляют повышенные требования (мы все сделаем, только дайте нам то-то и то-то). Плохо это или хорошо? Наверно, все же неплохо. Ведь это же и есть конкретизация того принципа планирования и руководства, который записан в новом колхозном уставе.

Правда и то, что в звеньях иной раз, особенно в разгар весенних и осенних работ, трудятся по две смены кряду, весь световой день, а иногда и ночью — при свете фар. Но это для сельского работника не новинка: летний день год кормит. И в бригадах при нужде работают с таким же напряжением. Это не штурмовщина, а разумная необходимость. Хлебороб находится в постоянном единоборстве с явлениями природы, и если он надеется победить, то всегда обязан быть начеку. В иное же время он волей-неволей вынужден отдыхать — не во всякую погоду можно вершить очередное дело. Такова специфика, с которой считались и тысячу лет назад, и теперь приходится считаться.

Что касается более рационального использования техники в звеньях, — вопрос этот тоже не так уж неразрешим. Часто звеньевые по договору выручают друг друга (я тебе помогу, а ты из своего заработка заплатишь моему звену; а в другой раз будешь лучше беречь машину, чтобы не ломалась в неподходящее время).

А если иметь в виду то обстоятельство, что человек работает без понуканий, с охотой, по тому плану, в составлении которого сам участвовал, то тут и сравнения быть не может со штурмовщиной и «чиховщиной».

Работа, плоды которой реально представляешь и знаешь, что они целиком зависят от тебя, никогда не в тягость. Труд с ясным конечным результатом, ясным во всех деталях, и любимый — это праздник, который всегда с тобой. И наоборот, работа, когда не знаешь, что заставят тебя сегодня или через неделю делать на том или ином поле, когда дальнейший результат зависит уже далеко не только от тебя и любой нерадивый исполнитель или указчик может зачеркнуть плоды и твоего труда, — такая работа не греет человека, и сам он не горит. Даже при меньшей нагрузке он испытывает тягость, такая работа изнашивает человека гораздо больше, чем любимая, греющая работа. Пользы от неопределенной работы меньше, производительность ниже, качество хуже, коэффициент морального и физического износа больше.

В звене человек не просто дает выработку и требует, чтобы все это было отмечено в нарядах, а выращивает хлеб. Не наряды его интересуют, а конечный результат — урожай, от которого зависит и заработок его, и честь. Он сам поднимал зябь, пахал, сеял, ухаживал за посевами, убирал урожай, сам видел, какие агромероприятия, какие сроки, какое качество работы благоприятно сказались на конечном результате — урожае. Он и машины лучше знает, и агротехнику, и загадочный характер земли-матушки, он стремится познать все секреты земельной науки. Поговорите с Антоном Семеновичем Дугинцовым — и вы не найдете особой разницы между его рассуждениями и мышлением агронома. Но заведите о том же речь с членом обыкновенной бригады, он вас обязательно отошлет к агроному: об этом, мол, надо со специалистом говорить.

Есть еще одна причина прохладного отношения к звеньям. Это обыкновенный формализм. Во многих хозяйствах звенья существовали лишь на бумаге. А если и начинали работать звеньями, то в какой-то технологический момент не все оказывалось отрегулированным, а время не ждало, и звенья быстренько перестраивали снова в бригады. Так оно спокойнее.

Кое-кого до сих пор пугают большие заработки в звеньях. Но достаточно посчитать, что дает звено колхозу и государству и что получает само, как становится ясным, что большой заработок находится в прямой

зависимости от большого урожая, от той пользы, которую получает в конечном счете все общество. К тому же, основной заработок звена, как известно, — за сверхплановую продукцию, то есть за то, на что по плану никаких затрат не производится. Звено, скажем, дало тысячу центнеров сверхпланового хлеба, а затраты только плановые. Этот хлеб, по-существу, даровой, а цена ему 10—12 тысяч рублей. Звено за это получит всего 20 или 25 процентов суммы сверхплановой стоимости, остальное идет хозяйству. Себестоимость продукции в звеньях выгодно отличается от бригадной.

Боязнь за появление частнособственнических настроений зиждется, примерно, на такой логике: человек должен быть высокоосознательным. Какая разница, в бригаде он трудится или в звене? Надо лучше работать с людьми, воспитывать их как следует, и тогда никакие звенья не потребуются.

Но, при всей внешней правильности, это рассуждение чисто формальное. В юбилейный ленинский год особенно уместно вдуматься в основные принципы воспитания людей социалистического общества, сформулированные Ильичом. Он всегда подчеркивал (стоит заглянуть, например, в последние его работы), как важно создавать материальные предпосылки для воспитательной работы, чтобы она была успешной, как необходимо в каждом человеке вырабатывать чувство хозяина страны (каждая кухарка должна научиться управлять государством). Воспитание — не оторванный от жизни процесс, наоборот, оно осуществляется в ходе самой жизни, когда человек изменяет окружающую действительность и одновременно изменяется сам. Вот как раз звенья, думается, и есть наиболее удачная форма, которая сочетает правильную систему организации сельскохозяйственного труда с созданием условий настоящего воспитания людей. Именно здесь и появляются эти условия — материальные, технические, моральные, экономические, творческие, — которые помогают формировать не просто сознательного члена общества, а тем более не «винтик» с узкой производственной функцией, а человека — хозяина земли, мастера своего дела, творца.

Звенья дают большой простор для инициативы, реализации способностей, всего умственного и духовного

потенциала человека. А ведь нам и нужны люди: думающие, творящие, а не простые исполнители, — мыслящие по-государственному, способные успешно осуществлять интенсивное сельскохозяйственное производство.

После съезда колхозников о звеньях стали вспоминать чаще. На книжных прилавках появилось больше изданий, поднимающих эту всегда животрепещущую тему — тему человека и земли. Впрочем, и раньше немало умного и полезного было опубликовано в журналах и газетах. Очень насущным представляется, например, тот разговор о земле и человеке на ней, который постоянно ведет «Комсомольская правда». Ее угол зрения — воспитание молодого поколения земледельцев.

Без всяких скидок можно сказать, что только то общество развивается нормально, которое быстро и успешно учит молодежь не только в теории, но и на практике. В этом смысле такое понятие как ранняя самостоятельность играет очень важную роль. Сейчас мы подчас с удивлением слышим, что наши отцы и деды в пятнадцать лет уже пахали, сеяли и молотили самостоятельно, умели управляться с волами и лошадьми, то есть умели хозяйствовать. Но почему-то не удивляемся, когда видим, как двадцатилетние парни с десятилетним образованием ходят в пристяжке у тех же отцов и дедов по несколько долгих лет, только потому что у «коренника» стаж измеряется десятками лет, значит и опыт — тоже. Но ведь стаж отнюдь не мерило опыта и знаний. Цена их измеряется объемом и насыщенностью, а не количеством лет, потраченных для их приобретения. Честь и хвала тому бригадиру, который весь свой тридцатилетний опыт сумел передать своему юному сыну! Такой сын далеко пойдет, многое прибавит к отцовскому опыту.

Для земледельца это особенно важно. Опытные хлеборобы, в общем-то, все пожилой народ. Пройдет еще немного времени и они уйдут на пенсию, а хозяйствовать останется нынешняя молодежь. И не только отцы, но и сыновья правомерно озабочены тем, чтобы не ударить в грязь лицом, когда один на один останутся с землей. К тому же, одного отцовского опыта для теперешних молодых земледельцев уже недостаточно. Нужен современный глубоко научный и технический опыт.

Как всего этого достигнуть, какими методами, какую школу должен пройти молодой хлебороб? Это очень важно, и недаром партийные и комсомольские органы придают этому вопросу должное значение. ЦК ВЛКСМ и «Комсомольская правда» издали сборник бесед с государственными, партийными и хозяйственными руководителями, научными работниками и механизаторами, посвященный теме разумного хозяйствования и воспитания современного хлебороба («Кто же он, мастер хлебного цеха?», М., изд-во «Правда», 1969).

Из всего, что накопила наша сельскохозяйственная практика за последние годы, как наиболее интересное явление здесь отмечена именно звеньевая организация труда. Ссылка в данном случае идет на опыт известного в стране механизатора Героя Социалистического Труда В. Я. Первицкого и его последователей. На так называемую безрядно-звеньевую систему организации труда, применяемую в его звене. По существу, это те же самые организация и оплата труда, которые повсеместно начали было приживаться на амурских полях в начале минувшего десятилетия. Только название, пожалуй, стало более точным. «В такие коллективы, — говорится в сборнике, — как показала жизнь, молодые люди идут с большим желанием. Здесь они быстро становятся полноправными членами звена, настоящими мастерами своего дела. **Новая система организации и оплаты труда утверждает новый тип земледельца.**»

Эти же мысли неоднократно были высказаны в свое время на страницах амурских изданий.

Но вопрос о звеньях, как уже говорилось, до сих пор остается спорным, и не только в Амурской области. Не случайно корреспонденты «Комсомольской правды» обратились в очень солидную арбитражную комиссию по этому вопросу. В частности, вопросы были заданы члену Политбюро ЦК КПСС председателю Совета Министров РСФСР Г. И. Воронову. Приведем некоторые выдержки из его беседы.

«...В. И. Ленин сформулировал положение, которым мы руководствуемся и сегодня. Оно гласит, что **коммунизм нужно строить на основе материальной заинтересованности при помощи энтузиазма победившего народа.** При социализме материальная заинтересован-

ность порождает у трудящихся и моральный интерес к развитию экономики страны, которой они отдают свой труд... Наиболее разумное сочетание моральных и материальных стимулов труда, умелое приложение их к производству, к его особенностям — эта проблема, как в теоретическом, так и в практическом аспектах разработана, к сожалению, еще слабо. Особенно в сельском хозяйстве...» «...В крупных комплексных бригадах и отделениях, охватывающих зачастую и растениеводство и животноводство, труд большого коллектива расчленен на многочисленные, нелегко контролируемые операции. Зачастую пахут землю одни работники, сеют другие, убирают третьи. И, конечно, нельзя закрывать глаза на то, что значительная часть работающих при такой организации дела все больше отрывается от земли, от конечного результата труда на земле... Выход из такого положения одни видят в усилении контроля за качеством работ. Но в поле работает много людей. И, будь даже множество контролеров, все равно за всем уследить нельзя. Но ведь и землю обмануть тоже нельзя. На любую уловку она ответит снижением урожая. Другие возлагают надежды на систему дополнительных оплат и вознаграждений. Но они тоже не могут исправить положение...»

Новая технология, как известно, не сразу пробила себе дорогу.

«Технология «заработала» только весной 1958 года, когда было организовано механизированное звено испытателя В. Я. Первицкого. За ним закрепили землю и технику, установили новый принцип оплаты труда — не за выполнение отдельных операций, а за итоговый их результат — урожай. Эту оплату называли безрядной аккордно-премиальной... И, естественно, сразу отпала нужда в контроле, ежедневных замерах сделанного, охране урожая. Все относились к земле по-хозяйски».

Далее приводятся примеры, говорящие о том, что звено Первицкого в совершенно равных условиях получило урожайность в два с половиной раза более высокую, чем соседние бригады, только потому, что в звене каждая операция производилась «чуть-чуть» не так. «Те, кто понял новые принципы организации и оплаты труда, уже не один год добиваются высоких и ус-

тойчивых урожаев». «Нарождение безнарядных звеньев — явление объективное, закономерное...» «... Новое всегда проходит через трудности. Были они и здесь. Многие звенья распадались, когда им давали заведомо непосильные планы. Распадались и тогда, когда их создавали вопреки желанию людей, методами голого администрирования. Ошибкой было и формирование слишком больших коллективов...»

Речь идет о краснодарских и волгоградских хозяйствах. Но болезни роста и трения, которые встречались на пути наших звеньев, повсюду одинаковы. «Работа в звеньях, может быть, пришлась не по душе тем, кто привык поменьше отдавать, а побольше брать. Не вязалось новое и со стилем работы некоторых руководителей и специалистов, ибо им нужно было становиться здесь не на словах, на деле умелыми, знающими организаторами производства».

Как уже говорилось, в беседе о земле и ее хозяевах принимали участие и ученые. Вот некоторые из их высказываний. «Аккордно-безнарядная система организации и оплаты труда, как явление новое, имеет в настоящее время не только горячих сторонников, но и настойчивых противников. Причем последние нередко черпают свою аргументацию как из недостаточного знания сути новых принципов организации и оплаты труда, так и из ошибок при их внедрении на практике» (И. Слепенков, доцент, зав. лабораторией социологических исследований философского факультета МГУ). «... Да, административный, формальный учет и контроль (который все равно не приносит эффекта) отпадает. Однако тут же возникают условия для общественного контроля, хозяйственного самоконтроля, подлинного, социалистического учета, значение которого особенно подчеркивал В. И. Ленин» (А. Емельянов, доцент МГУ, кандидат экономических наук).

В добавление остается сказать, что не случайно Совет Министров Российской Федерации принял постановление, в котором одобрил опыт работы коллективов В. Я. Первицкого и волгоградского совхоза «Труд», которые уже долгое время успешно применяют безнарядную аккордно-премиальную систему организации и оплаты труда.

... Весной у меня снова выпала поездка в села, и я, конечно, интересовался и судьбой звеньев. В тех самых районах, где в прошлом году о звеньях говорили еще скептически, теперь охотно отвечали, что да, звенья организуем. Например, в Михайловском производственном управлении сельского хозяйства сказали, что вот только на днях как раз утвердили звенья. А было это уже в конце мая, когда звенья должны были уже посеять основные культуры. Оказалось, что речь идет не о соево-зерновых, а о картофельных и кукурузных звеньях. Такие звенья давно никому не в диковинку, и не они «делают погоду». Соево-зерновых, основных амурских звеньев, которые бы работали планомерно и хозрасчетно, в районе нигде, кроме Чесноковского совхоза, не было.

Дело в том, что директор этого совхоза Петр Ильич Баранас, опытный аграрник — давний и последовательный сторонник звеньевой системы организации труда. Для него звеньевая система — не очередное мероприятие. И не случайно Чесноковский совхоз — своего рода остров, заметно отличающийся от соседних хозяйств. Здесь звенья развивались с первых же дней их создания, и уже около десяти лет они обрабатывают все земли совхоза. Урожайность зерновых за это время росла так (начиная с 1961 года): 2,8; 8; 6,9; 8,5; 6,3; 9; 10,5; 15,3; 16 центнеров с гектара. Сои — 3,5; 5,7; 7,8; 3,9; 4,4; 8,4; 7; 9,1; 10,2 центнера. Себестоимость зерновых и сои снизилась за это время в полтора раза и составляет: зерновых — 6,7 рубля за центнер, сои — 8,66 рубля. Для Михайловского района это очень неплохая себестоимость.

Настоящую силу звенья набрали в последние три-четыре года, то есть когда пришли опыт, знания, привычка хозяйствовать по-новому. Лучших результатов, как и следовало ожидать, добились там, где звенья все это время работали в одном и том же составе. Например, звено Н. Г. Плотникова произвело продукции на 200 тысяч рублей. Там шесть человек. В среднем на каждого работающего выращено хлеба и сои на 32 700 рублей. Почти такого же показателя добились другие звенья. Средний заработок механизатора составил 266

рублей в месяц. Тридцать человек заработали по 400 рублей в месяц. Производительность труда в среднем на рабочего выросла в совхозе за десятилетие почти втрое: в 1961 году она составляла в денежном выражении 2370 рублей, а в последние два года — около 7000 рублей.

В большинстве совхозов, и не только Амурской области, не очень благополучно обстоит дело с окупаемостью основных средств. В Чесноковском совхозе и в этом отношении дела значительно лучше. Если в 1961 году окупаемость составляла 49,9 копейки на каждый рубль основных средств, то за последние два года — более 80 копеек. Право же, это очень хорошо. В данном случае козырь противников звеньев на тот счет, что в звене машины, то есть основные средства, используются хуже, бит начисто. Этот показатель гораздо выше показателей, достигнутых бригадным методом.

Был я в этом совхозе в конце мая — в самую горячую пору сева сои. Все в поле, все очень заняты. И все же у Петра Ильича Баранаса хоть урывками, но находилось время побеседовать о звеньях. Да и понятно: для него это слово наполнено двойным смыслом: он считает, что оно и есть то «звено», за которое можно вытащить всю цепь системы разумного хозяйствования на земле. Начинать как раз лучше всего с «малых форм», переводя затем, когда накапливается опыт, на новые принципы экономики все хозяйство. Звено — это, так сказать, первичная производственная ячейка, несущая в себе все черты коллективного хозяйствования, как отдельная клетка обладает многими свойствами всего организма.

В беседе с ним я заговорил и об одном частом аргументе тех амурских специалистов, которые до сих пор скептически относятся к звеньевой организации труда: вот, дескать, в лучшем колхозе области — в «Приамурье» — работают бригадным методом, а показатели там высокие.

Петр Ильич горячо откликнулся:

— Если разобраться, ссылки эти, по существу, только подтверждают целесообразность звеньевой организации труда. Колхоз этот — счастливое исключение в том смысле, что все главные механизаторы там работают на одних и тех же полях уже не по одному де-

сятку лет, в то время как многие амурские хозяйства существуют всего лет десять — пятнадцать (целинные совхозы и другие). Председатель этого колхоза — заслуженный человек, Герой Социалистического Труда Михаил Максимович Ступников — тоже вот уже тридцать лет беспрерывно работает в одном хозяйстве, и конечно же, было ему время узнать и понять каждого из колхозников, чтобы землю доверить наилучшим из них.

Колхоз этот набрал силу еще в начале пятидесятых годов. Именно здесь был применен впервые в республике колхозный профинплан. То, чего достиг колхоз в ту пору, иные хозяйства достигли только лет десять спустя. Колхоз этот не только по профинплану работает вот уж почти двадцать лет, но и каждая из его производственных бригад, ферм действует на принципе полного хозрасчета. Талант председателя и главного экономиста колхоза, автора многих полезных начинаний Кузьмы Максимовича Ступникова тоже нельзя не учитывать. «Приамурье», экономически окрепшее намного раньше других хозяйств, имеет теперь в расчете на 1000 гектаров земли столько техники, сколько ни одно другое хозяйство в области. За счет высокой оснащенности техникой колхоз, когда не нужно, не спешит с полевыми работами, а когда нужно, проводит их очень быстро. Здесь около сорока специалистов сельского хозяйства — почти по пять человек на бригаду. Удобрений этот колхоз способен покупать и использовать гораздо больше, чем любое другое хозяйство.

Было бы просто обидно, если бы при всем этом колхоз «Приамурье» давал меньше продукции и доходов, чем соседи. Все, что он получает сейчас, — естественно и правомерно, и ссылки на него — отнюдь не оправдание для тех, кто не хочет лишних хлопот. Ведь чтобы так же было и в других хозяйствах, надо прежде добиться таких же условий труда. И когда мы говорим о звеньях как наиболее эффективной организации труда, то как раз и имеем в виду создание в кратчайший срок этих оптимальных условий и дальнейшее наращивание производительности труда!

Прав Петр Ильич. Когда я был в «Приамурье», Кузьма Максимович Ступников познакомил меня с принципами оплаты труда в колхозе. Они, эти принципы, в сущности, такие же, какие продиктованы логикой

механизированных звеньев. Заинтересованность как моральная, так и материальная, — точно такие же, как в звеньях, только это не звенья в теперешнем их виде, а небольшие бригады. Небольшие же потому, что насыщенность техникой такова, что лишние люди и не требуются.

В колхозе восемь бригад, сеют они 10 — 11 тысяч гектаров зерновых и около 8 тысяч — сои. Значит, на бригаду приходится примерно втрое больше посевов, чем на звено. Людей тоже соответственно больше. Но по насыщенности техникой эти бригады значительно превосходят звенья. В конце 1969 года в колхозе было 212 тракторов, 113 комбайнов, около ста автомобилей, почти восемьсот электромоторов. Значит, кроме всей прочей техники, на бригаду приходится более двадцати тракторов. А в звеньях их по три — четыре. Если учесть, что эти бригады засевают и обрабатывают площадь втрое большую, чем звенья, а тракторов имеют в шесть — семь раз больше, станет ясно, почему они управляются со всеми работами вовремя и потерь не имеют.

То есть, прежде чем тягаться с «Приамурьем», надо иметь столько же техники, специалистов сельского хозяйства и многого другого. Наличие техники в наше время — это вообще очень существенный показатель. И когда говорят, что в звеньях требуется слишком много техники на единицу площади, то почему-то забывают, что в «Приамурье» ее в несколько раз больше.

В Чесноковском совхозе, как уже говорилось, вся земля закреплена за звеньями, техника — тоже. Звеньев здесь 28, в том числе 21 — соево-зерновое. За каждым из них закреплено 3 — 4 трактора. Всего тракторов в совхозе около 120, почти вдвое меньше, чем в «Приамурье». Да еще следует учесть, что в «Приамурье» в несколько раз больше самых современных тракторов — К-700 мощностью 230 — 250 лошадиных сил и Т-4 мощностью более ста лошадиных сил. А сеет совхоз почти столько же, сколько «Приамурье»: 20 000 гектаров, в том числе 8000 — сои, и показатели здесь такие же высокие.

Приведем для сравнения может быть самый главный показатель — производство продукции на одного трудоспособного. В «Приамурье» оно, увеличившись за

последних три года на 67%, составляет теперь 4130 рублей. А в совхозе, благодаря звеньям, начиная с 1963 года, оно составляет: 4231; 2600; 3156; 4954; 5914; 6836 рублей. Среднемесячный заработок рабочих в совхозе тоже оказался выше, чем в «Приамурье». Разумеется, все это находится в прямой зависимости от реализованной продукции.

Словом, нежелающие заниматься звеньями практически не имеют козырей в свое оправдание.

— Чтобы ясней было, как в звеньях люди к делу относятся, — говорил Петр Ильич, — приведу вам кое-какие примеры.

Нынче наши соседи давно уж сою сеять начали, а мы все готовимся. В районе тревожатся — почему не сеете? Я отвечаю, что звеньевые не согласны. «Как так?» Приехали проверяющие. Вопросы задают, торопят. А наши звеньевые такие аргументы приводят, что, как говорят, против не попрешь. Звеньевые не хотели начинать сев, пока как следует не переоборудуют и неотрегулируют сеялки. Ведь сеялки-то у нас везде, к сожалению зерновые, специальных соевых нет. А сою надо сеять, как по струнке, чтобы потом при культивации лишние растения не губить.

И когда с подготовкой земли задержка у нас была, опять комиссия приезжала, в том числе опытные агрономы. Проверили, убедились и согласились с нами.

Звеньевые в Чесноковском совхозе, взвесив все «за» и «против», отказались от внесения удобрений с самолета. Слишком много добра зря пропадает. Дунул ветер или не так залетел самолет — и удобрения буквально идут на ветер. Поэтому свои удобрения каждое звено вносит только в землю, туковыми сеялками, чтобы ни один килограмм зря не пропал.

В числе прочих достоинств звеньевой организации труда Петр Ильич отметил и то, что даже семейные — братья, сестры, дети постоянно болеют за «свои» звенья. Все соревнуются. Даже дома советуются, как лучше дело поставить. Когда нужно быстрее просушить намоченный хлеб, все высыпает в поле и ворошат валки.

— Это у нас без всякой агитации получается. Сами поняли, как это важно. Или когда начнется культивация, попробуйте удержать школьников дома. Вроде, и

не положено несовершеннолетних допускать в сельхозмашинам, но как же их не пустишь? Работают они с отцами и старшими братьями, и мы разрешаем им работать на культиваторах. Пусть меня ругают, но я считаю, что это правильно. Они там друг с другом общий язык находят, младшие учатся у старших и уже с малых лет привязываются к земле.

Думаю, что и тут Петр Ильич прав. Чем раньше молодые люди приобщатся к земледельческому труду и машинам, тем лучше. Иные «братишки» и «сынишки» в совхозе зарабатывают уже столько, что покупают за свой счет всю одежду и обувь, школьные принадлежности.

— Нам ведь очень, очень важно, чтобы молодежь любила землю, любила работать на ней и как можно раньше научилась хозяйствовать по-умному, а не разбегалась по городам.

Повторяя известные истины, еще раз скажу: одно из условий счастья — это любимая работа. Без большой любви к чему-либо ничего хорошего не получится. Любимая работа — это праздник, который всегда с тобой. Настоящее земледелие тоже начинается не от нужды только, но и от любви к делу. Теперешние молодые люди через несколько лет будут должны и земельные дела вершить, и страной править. А это умение надо воспитывать с детства. И случайно оброненное директором: «Попробуйте удержать школьников...» думается мне, очень и очень важное обстоятельство. Помните: «Отведает свежего хлебца ребенок — и в поле охотней бежит за отцом...»? Нынешние крестьянские дети, пока что не очень охотно бегут в поле. Чаще получается наоборот. И дело здесь, как видно, не только в том, что в городах пока выше культура, жизнь чище и все к твоим услугам, но и в том, что к полю-то мы не умеем прирастить наших детей как следует. Чаще всего мы их просто не пускаем туда: по инструкции не положено. Подростки — народ активный и просто созерцать поле и то, как трактора на нем работают, их не устраивает. Другое дело, если они сами за рычаги сядут, пусть рядом со старшим братом или отцом. Я знаю семьи, где школьники ждут не дождутся лета, чтобы работать с отцом в поле. Отец — звеньевой, и потому разрешают. А в бригаде не слишком разгонишь.

ся. Там тебе могут сказать: мешаешь. К сожалению, звеньев меньше, чем бригад, и таких школьников тоже пока меньше.

... Въезжая на земли Чесноковского совхоза и покидая их, никак не можешь привыкнуть к мысли, что это целинный совхоз, возраст которого укладывается в десятилетие. Поля, дороги, луга, лужайки — от всего создается впечатление, что человек здесь хозяйничает давным-давно: все тут чисто, прибрано, гладко, уютно. И это вернейший признак разумного хозяйствования.

В Завитинском районе, коль скоро речь шла о звеньях, посоветовали мне съездить в колхоз «Белый Яр». Правда, предупредили, что Морозова — того председателя, который организовал и укрепил там звеньевую систему организации и оплаты труда, — уже нет: в другое хозяйство переехал. Но, в общем-то, все вспоминали его добрым словом. Председатель он был настоящий, умел с народом разговаривать, самые сложные вещи растолковать просто, доходчиво и убедить, агитировать умел так, что люди за дело принимались с душой. А главное — в те годы, когда он председательствовал, колхоз быстро шел в пору. И все колхозники, многие из которых не поверили ему сначала, когда он заявил, что выход из положения — в звеньях, потом твердо поверили в председателя и все больше убеждались, что слово его с делом не расходится. Это лучшая из агитаций.

Анатолий Савельевич Морозов, как и Петр Ильич Баранас, в сельском хозяйстве трудится уже не одно десятилетие. Агроном по образованию, он раньше был на партийной работе, потом стал председателем колхоза. Конечно, это такой опыт, который всякого мыслящего человека должен был привести к интересным открытиям и умозаключениям. Именно на основе многолетнего опыта, наблюдений и анализа он пришел к убеждению о важности звеньевой системы.

Мне пришлось познакомиться с отчетным докладом бывшего председателя «Белого Яра», в котором он как бы подводил итоги своей четырехлетней деятельности на посту председателя. Кстати сказать, в этом хозяйстве сменилось двадцать пять председателей. Сейчас — двадцать шестой, молодой еще человек Валентин Ми-

хайлович Урцев. Он и познакомил меня с отчетом Морозова.

В докладе много внимания уделено именно звеньям. Мне даже немного странным показалось: человек уходил в другое хозяйство, а речь держал так, словно здесь собирался всю жизнь работать. Он не просто отчитывался, а советовал, разъяснял, призывал, убеждал, по-прежнему болел за судьбу хозяйства.

«...Звенья нужны потому, что это не просто производственные ячейки. Здесь скорее можно переделать сознание труженика в сторону коммунистического отношения к труду...»

Морозов вспоминал, как упрекали его соседи, что он «разбаловал» своих колхозников высокой оплатой. Но он доказывал, что именно благодаря хорошим заработкам, материальной заинтересованности люди не ленились работать и производительность труда за четыре года поднялась в 2,3 раза. И вот уже на один человеко-день производится продукции на 13 рублей 32 копейки.

До прихода Морозова колхоз имел одних долгов на 120 тысяч рублей. Пятнадцать домов было заколочено, люди разъезжались из «Белого Яра». За четыре года не только пустые дома были заселены, но и около сорока — вновь построены. Люди стали приезжать сюда все чаще.

До организации звеньев колхозники получали самую низкую зарплату. С приходом нового председателя был установлен гарантийный минимум оплаты, на что сначала расходовалось 40% всего денежного дохода хозяйства. В первый год выплатили, правда, всего 50 тысяч рублей. А через четыре года — уже 345 тысяч.

Конечно, главная зарплата выдавалась пока за сверхплановую продукцию. Председатель мог обещать ее смело, потому что фактически этих денег у него не было, все зависело от того, сколько звенья вырастят хлеба. Но вот тут как раз и сработала звеньевая система. Хлеба стали выращивать больше, чем планировалось, и денег, стало быть, хлебобобы получали тоже больше, чем было обещано. Из года в год люди зарабатывали все лучше, и хлеба выращивали все больше.

«Белый Яр» — сравнительно небольшое хозяйство.

В Завитинском районе таких немало. Стало быть, есть с чем сравнить. Колхоз сеет 2640 гектаров зерновых и 1700 гектаров (около 35% посевной площади) сои. Примерно такой же пашней располагают соседние хозяйства — Антоновский совхоз и колхоз «Восток».

Звеньевая организация существует в «Белом Яре» с 1965 года. Если во все предыдущие годы урожайность зерновых составляла 3—6 центнеров с гектара, то после создания звеньев она выглядела так: 10,4; 10,5; 13,1; 10,5. За это же время в колхозе «Восток», где звеньев, по существу, не было, урожайность зерновых колебалась в пределах 6—9 центнеров. Почти так же обстояло дело и с соей.

Или, скажем, выработка на условный трактор и комбайн. В 1968 году, когда отчитывался Морозов, в «Белом Яре» она составляла: 361 гектар на трактор и 308 гектаров на комбайн. А в Антоновском совхозе, соответственно, — лишь 210 и 227.

До организации звеньев колхоз выполнил в последний год два с половиной плана продажи зерна. Это был урожайный год. А за четыре «звеньевых» года было продано двенадцать годовых планов хлеба. В целом продажа зерна выросла почти вшестеро, картофеля — вдвое, овощей — впятеро.

Но главное, конечно, себестоимость. Можно и много давать продукции, но если она дороже, чем в магазинах, то надо горевать, а не хвастаться. До звеньев денежный доход колхоза от растениеводства составлял 26 400 рублей. Через 4 года он поднялся до 407 442 рублей, то есть увеличился в пятнадцать раз. Колхоз рассчитался с долгами, стал выдавать гарантийную оплату, и общий доход его составил уже 653 тысячи рублей. В предыдущее пятилетие себестоимость зерновых составила, в среднем, 12 рублей за центнер. А ко времени отчета председателя — уже 6 рублей 16 копеек. Прежде бывали годы, когда соя обходилась колхозу в 36 — 40 рублей за центнер, теперь она обходится примерно в 13 рублей. Конечно, в южных районах области, где земли для сои лучше и теплых дней больше, урожай ее выше и себестоимость ниже. Но для Завитинского района и 13 рублей — очень неплохо: ведь в большинстве хозяйств района себестоимость сои 20—36—38 рублей.

В целом «Белый Яр» увеличил доходы за четыре года в пять раз, а соседние хозяйства, где звеньев не было, — только вдвое.

До организации звеньев на оплату труда (вместе с хлебом) колхоз расходовал 94% всего денежного дохода. А через четыре года эти затраты снизились до 51%. Колхоз больше стал строить, приобретать новой техники и удобрений. Появилась возможность ежегодно снижать расходы на зарплату примерно на 10%. Случалось, Морозова упрекали за высокий процент фонда зарплаты — целых 51%! Но ведь в соседних совхозах расходуют 54%! Морозов привел в докладе такое сравнение: в Антоновском совхозе заработок на одного работающего оказался выше по их расценкам. Но если фонд зарплаты отнести к стоимости продукции, то в «Белом Яре» расходовали 40%, а в совхозе — 51%. Колхоз получил валовой продукции на 937 тысяч рублей, а совхоз — на 528 тысяч.

Принято считать, что на оплату труда должно идти не более 30—40% денежных доходов. В колхозе «Приамурье» расходуют даже в пределах 25%. «Но я помню, — говорил Морозов, — как в начале подъема этого колхоза там расходовали 80%, и именно это дало тот толчок, который помог «Приамурью» подняться затем до высокого уровня».

Оказывается, высокий заработок — дело отнюдь не опасное, а очень даже полезное. Какое бы хозяйство с более или менее выдающимися достижениями мы ни взяли, всюду окажется, что заработок решающим образом влияет на производительность труда. Именно так обстоит дело в звеньях. Здесь, как правило, высокая производительность труда. Оно и понятно. Высокая производительность труда в сельском хозяйстве — это прежде всего высокая урожайность, большой доход, благодаря чему на определенном этапе фонд зарплаты может стабилизироваться в оптимальных пределах и оставаться на наиболее выгодном как для хозяйства, так и для государства уровне.

С тех пор, как Морозов делал свой отчетный доклад, прошло около двух лет. Как же теперь обстоят дела в «Белом Яре»? К сожалению, — хуже. Новый председатель, насколько можно понять, к звеньям относится уже не так, как его предшественник. Конеч-

но, и опыт у него не так велик, как у Морозова. В общем-то он хочет вести дело по-своему, видимо, считает, что Морозов кое в чем «перегнул», а он теперь должен «разогнуть». В результате получается то, что бывает с хорошо отрегулированной машиной, когда ее по-своему начинает регулировать другой работник. Несмотря на то, что председатель производит впечатление делового, умного человека, колхозники недовольны. Главный критерий — дело.

При мне звеньевые разговаривали на эти темы с председателем. И техники, вроде, больше стало: купили еще несколько тракторов, а дела идут хуже. То семян вовремя не подвезут, то удобрений, то агронома днем с огнем не сыщешь. Во всем затяжка какая-то и несвоевременность. Больше стало официальности, меньше считаются с запросами и потребностями звеньев. И все это сказывается на результатах. Это как раз тот случай, когда к звеньям отношение формальное, без понимания их подлинной природы и сути.

Впрочем, сами звеньевые отстаивают свое дело. Вечером, когда уже смеркалось, в контору на огонек к председателю в числе прочих зашел Женя Маринов. Ему двадцать пять лет. Из них десять — в поле. Начинал прицепщиком, теперь он опытный звеньевой. В звене есть люди и постарше, но главным все-таки избрали его, и не случайно.

Сижу и слушаю разговор Жени с председателем. Он говорит «на равных», даже кое в чем старается вразумить председателя. Он и поздоровался с нами по-особому. Зашел, сказал что-то, а мы не расслышали, и тогда он громко и вежливо повторил:

— Здравствуйте, пожалуйста!

Конечно же, у него было важное, неотложное дело. Ничего, что шел одиннадцатый час вечера.

Женя тоже был недоволен. Не так шло дело, как ему хотелось бы. Семена привезли куда-то «вообще» на поле, а не к сеялкам его звена. Кто-то распорядился пахать поле не в том направлении. Говорили о посевах, о вспашке, о предстоящей обработке полей и о многом другом.

— «Пора, пора»... — словно упрекал кого-то Женя. — А можно бы и подождать, не горит еще.

— А чего ждать?

— Пусть бы сорняка побольше проросло.

Речь шла о весновспашке. Пахать пора, но поле сильно засорено, лучше для урожая, если дать сорняку двинуться в рост, а потом прикончить его бороной и культиватором. Да еще паров побольше не мешало оставить. Надо же когда-то окончательно с сорняком разделаться. И обочины опахать надо, и лиман, пока еще не так сыро и тало: земли прибавится, гоны станут прямее и убирать потом будет сподручнее. Да еще удобрений требовал Женя, и чтобы семена бесперебойно подвозили.

К председателю он, видимо, шел поругаться, но мешал посторонний человек. Пришлось сдерживаться. Остыв, он полусуто заметил, между прочим, что если бы работу звеньев наладить как следует, то кое-кому и заглядывать на поле не надо было бы.

И в самом деле. В звеньях люди сами все сделают, и добросовестно. Агроному, бригадиру, председателю, управляющему не надо тратить время на постоянные путешествия по полям, по нескольку часов проводить у каждого агрегата, следя за регулировкой лапок культиватора или нормы высева у сеялок. Все это сделают сами члены звена. У агронома и председателя высвобождается время для других, более важных дел, в том числе для занятий наукой, изучения опыта других хозяйств.

Если бы повсеместно работали такие хозяева и мастера земли, каких воспитывает звеньевая система, функции специалистов и хозяйственных руководителей стали бы более конкретными, более научными и действенными.

Я спросил у Жени, это ли он имел в виду. Он сказал, что да, как раз это. Потом я спросил, много ли он собирается со своим звеном вырастить хлеба и сои? Он, кажется, немного даже рассердился. Что за привычка у людей? Урожай по осени считают. И вообще, в хлебоборбском деле выступать с обещаниями и громкими заявлениями надо поосторожней. Конечно, они стараются не отстать от лучших звеньевых. Вон Иван Маркович Белецкий больше 20 центнеров пшеницы берет с гектара. Но работать, как Иван Маркович, — не значит только высокий урожай получать. Снижение себестоимости, режим экономии, — это тоже очень ва-

жно. До организации звеньев в колхозе расход горючего на гектар мягкой пахоты достигал 20 килограммов. Теперь он снизился вдвое. Значит, снизилась себестоимость.

Женин разговор с председателем снова направил мои мысли на то, почему многие неохотно уступают дорогу новой, более действенной организации труда на полях. Звеньевые не только много «теребят» и требуют, но и ревностно относятся ко всякого рода распоряжениям и вторжениям в их дела. А это как-то не принято, непривычно со стороны подчиненных. Вот и Женья упорно стоял на своем. Ему-то, наверно, виднее было, хотя и председатель разумно возражал. И конечно же, не просто из-за упрямства или строптивости так держался звеньевой. Он, наверно, сотню раз обдумал каждый шаг, учел все ресурсы и на будущее дела наметил. Если бы кто-нибудь за него думал, тогда другое дело. Но, как говорится, дай бог, чтобы люди сами побольше думали. В этом суть воспитания полноценных граждан.

...Однажды я слышал спор:

— Звенья — это же кормушка, понимаешь? — возмущался один. — Здесь каждого интересует только чистоган, денежки. А там хоть трава не расти!

По его мнению выходило даже, что члены звена «уродуются» не только физически, но и морально, то есть утрачивают коллективистскую мораль.

— Значит, говоришь, «трава не расти»? — возражал второй. — А хлеб?

— Что — хлеб?

— Хлеб-то у них лучше расстет. Понимаешь, дорогой товарищ, — хле-еб! Вот это и есть коллективистская мораль. Дело, а не громкие слова.

Нет нужды комментировать этот спор. Совершенно ясно, что проблема звеньев — проблема живая, явление закономерное, значит закономерны и споры вокруг них. Эти споры и небесполезны. Они позволяют глубоко проверить сильные и слабые стороны новой организации труда, найти лучшие ее формы. Недаром ведь наряду с механизированными звеньями успешно действуют и небольшие механизированные бригады типа гиталовской, и так называемые тракторные отряды на Алтае. Важен

принцип — безнарядно-аккордная система организации и оплаты труда, за которой в нашем сельском хозяйстве — будущее.

Во время одной из командировок я побывал в знаменитом нашем ордена Ленина колхозе «Приамурье», о котором уже шла речь. Было это вскоре после Третьего съезда колхозников, в котором участвовал и председатель колхоза Михаил Максимович Ступников. Он был избран в состав областного и всесоюзного Совета колхозников. В эти дни он много ездил по области, выступал перед людьми, рассказывал о съезде, о своих впечатлениях и, конечно же, агитировал за все то лучшее, что было в колхозной практике и что довелось узнать на съезде.

В начале 50-х годов, когда я учился в сельскохозяйственном институте, мне несколько раз довелось бывать в этом колхозе либо на экскурсиях, либо на практике. Уже и тогда — 15—17 лет назад — этот колхоз выгодно отличался от многих. И тогда это был лучший колхоз, и если в область приезжали какие-либо делегации, их везли туда знакомиться с достижениями. Там был сортоиспытательный участок, племенная ферма, там впервые начали применять колхозный профинплан, там раньше, чем где-либо, получили миллионный доход, а председателя избрали депутатом Верховного Совета СССР (теперь он — Герой Социалистического Труда). Все это привлекало много экскурсантов, журналистов, ученых, всевозможных гостей, в том числе и зарубежных.

Не секрет, что в те годы хозяйства, куда ездили знакомиться с достижениями, были под особой опекой вышестоящих инстанций. Конечно, несправедливо упрекать правление колхоза, что оно, становилось объектом повышенного внимания. Другое дело — уметь извлечь пользу из этого положения. Ведь были и другие хозяйства, в других районах, которые поначалу гремели, выдвигали ценные почины, значились маяками. Им тоже не отказывали во внимании и поддержке. Да, как говорится, не в коня овес. Проходило несколько лет — и оказывалось, что «тихие» хозяйства незаметно обгоняли их. А вот «Приамурье» по-прежнему остается в числе передовых,

и несомненно очень интересных хозяйств. Естественно, что туда, как и прежде, продолжают ездить делегации и экскурсанты, ученые и журналисты, ближние и дальние «соперники». Как бы там ни было, а колхоз достиг почти такого состояния, когда встает вопрос: ну а дальше что?

Много, очень много написано про этот колхоз, кто-то подсчитал, что уже более трех тысяч раз. И конечно, продолжают писать еще. Кстати, пишется и история этого колхоза. Наверно, было бы неплохо, если бы ветеран колхозного строительства, сам Михаил Максимович Ступников написал книгу мемуаров. Пишут же воспоминания военачальники, и делают очень полезное дело: такие книги дают многое. Книга председателя колхоза с тридцатилетним стажем, которому пришлось быть свидетелем неповторимых событий, пережить почти все, что связано со строительством колхозов, и который был непосредственным врачом всех «болезней роста» своего хозяйства, — такая книга была бы не менее полезной и интересной.

Почти двадцать лет колхоз получает миллионные доходы. Неделимый фонд и другие денежные статьи давно уж в блестящем состоянии. Поля колхоза обширны и плодородны. Все полезное, что применялось и применяется теперь на полях области, здесь приживалось раньше, чем где-либо: здесь и сортоиспытательный участок, и специалистов больше. Действует отличный счетно-экономический аппарат во главе с Кузьмой Максимовичем Ступниковым. И новую технику приобретали тут раньше, и колхозный профинплан здесь зародился, и настоящий хозрасчет внедрен в каждой бригаде, на каждой ферме. Все это не с неба свалилось, за этим стоит труд большого коллектива правления, специалистов, председателя.

Сейчас «Приамурье» — флагман амурских, да и, пожалуй, всех дальневосточных колхозов. Именно это хозяйство представляло Дальний Восток на всемирной выставке «Экспо-70».

Ну, а что же дальше? Обычные производственные планы, планы строительства и благоустройства, дальнейшая механизация, электрификация, автоматика? Да, и это, конечно. Но это стало уже типичным для многих хозяйств. При том материальном уровне, которого достиг колхоз, естественно ожидать еще более глубоких

сдвигов — не только производственных, но и социальных. И они, эти сдвиги, уже существуют.

И прежде в колхозе умели считать, анализировать, предвидеть и готовиться к будущему. Теперь все это потребовало иного подхода — научного. Жизнь требует того, что раньше не всегда принималось в расчет. С удовольствием вспоминаю рассуждения Владимира Павловича Кузнецова, который тогда был секретарем колхозного парткома (недавно, по болезни, он ушел на пенсию).

Наряду с обычными, текущими делами, он был серьезно забочен тем, чтобы ясно видеть, что будет завтра, послезавтра, через год и дальше. Причем все это требовалось знать не просто в виде отчетных показателей. Требовалось знать и то, как это все отражается на сознании колхозника — как оно меняется и формируется, что на него влияет, каким оно становится, что следует предпринять для более желательного, гармоничного его развития. Без предвидения, и не интуитивного, а научного, основанного на глубоком анализе, теперь уже нельзя руководить, полноценно воспитывать и направлять людей. Не зря ведь в последнее время на некоторых заводах и фабриках страны появилась такая должность как инженер-социолог.

Социология — наука об обществе — не может обходиться общими рассуждениями. Сфера этой науки расширилась, предметом ее исследований стали не только статистические данные, характеризующие состояние общества, но и отдельные коллективы, производственные ячейки, человек с его сложным духовным миром, психикой, запросами, общеобразовательным и культурным уровнем. Вот поэтому и Владимир Павлович занимался социологическими исследованиями в своем колхозе. Он готовил на эту тему диссертацию. Собственно, и партийная работа, поскольку человек, осуществляющий ее, должен быть инженером человеческих душ, постоянно опирается на конкретные социологические исследования. В этом смысле диссертация секретаря парткома очень правомерна.

В планах партийной работы, которые составлялись при участии и руководстве секретаря парткома, были и такие вопросы, которые, казалось бы, относятся к сугубо производственной сфере. К примеру, в плане стояла та-

кая пометка: «К-700». Какое имеет отношение трактор к партийной работе? Оказывается, имеет. Это очень перспективная машина, которую сначала несправедливо разругали. Трактор-богатырь проходил испытание в Грибском — учебно-опытном хозяйстве сельхозинститута. Сильная, послушная машина. На малом пяточке он делает крутой разворот с громадным навесным плугом. Скорость, маневренность. Тракторист один, а выработка — за три-четыре средних трактора. На хорошем поле за смену можно вспахать до 20 гектаров. Обычно для такой работы требуется три-четыре человека и столько же машин. Теперь один человек — одна машина. Зачем же лишние люди, зачем лишние машины и ремонты? Надо подобрать толковых ребят, объяснить им значение новой машины (Владимир Павлович и сам когда-то работал на тракторе, а потом, уж значительно позже, закончил Высшую партийную школу, работал секретарем райкома и по собственному желанию пошел в колхоз). Подобрать, объяснить, настроить. Для этого и самому надо знать технику, надо сделать экономические выкладки. И это не просто трактор новой марки, а в несколько раз сокращенное число механизаторов, и повышенная производительность труда, круглогодичное использование мощного мотора («К-700» — прекрасное транспортное средство).

Те, кто должен был благословить эти машины для работы на амурских полях, нашли какие-то недостатки и заявок на К-700 не сделали. Тем не менее, в колхозе подобрали группу механизаторов и послали их изучать новый трактор прямо на завод-изготовитель — в Ленинград. И когда первые К-700 прибыли наконец на амурские поля, они, естественно, достались «Приамурью». Теперь в колхозе десятка два таких машин. Работают они круглый год, и сложных ремонтов еще не было. Удалось высвободить многих механизаторов, которые теперь трудятся на других участках. В Амурской области, где испытывается острый недостаток рабочих рук, это особенно важно. Понятной стала и прозаическая пометка в плане секретаря парткома.

— Когда мы собираемся на занятия, — говорил Владимир Павлович, — то не ограничиваемся официальной программой. Мы изучаем все, что выдвигает жизнь, практика нашего колхоза. Скажем, механизатор. Он

должен знать не только свои «железки», но и агротехнику, экономику, смыслить в хозрасчете.

Какая бы ни проводилась в колхозе учеба, она носит научный, воспитательный, образовательный характер.

— Для нас, — говорил секретарь парткома, — научное ведение хозяйства — не теория, а близкая практика.

Да. Это так. Скажем, зерновой двор. Это уже целая фабрика. В горячую пору уборки здесь за один час очищается и просушивается до 80 тонн зерна. Работают десятки электромоторов, норий, шнеков, сложных приборов и автоматов. Собственно, весь зерновой двор — автомат, подразделенный на несколько поточных линий, которые так и обозначены на специальных щитах: линия номер такой-то. Для каждой пульт управления. Сюда уж не поставишь человека без инженерного образования. И колхоз в последнее время каждый год нанимал двух инженеров из города. Всего их тут требуется человека четыре. Но зато — никаких помощников. Тут и считать не надо, чтобы выяснить, что колхозу выгоднее — держать четырех инженеров или, как прежде, несколько десятков рабочих, в том числе механизаторов. А вот другой пример. Когда полностью механизировали коровники, доярки, возмущавшиеся до того, что приходится работать вручную, вдруг стали ругать механизацию. Почему? Тут уже дело касалось психологической стороны. Непривычно как-то — конвейер. Доярки теряются, не все впопад получается. Всю жизнь было так — и вдруг все не так. Несложное, вроде, дело включить и выключить рубильник, надеть доильный аппарат, передвинуть нужный рычажок, а все-таки сразу не получается. Забудут что-нибудь, и глядь — поломка. Пустяк — лопату оставили на транспортерной ленте, и она заклинила ленту, лента порвалась, сгрудилась в тесном месте. И вот уже вопрос: куда какой инструмент ставить, как использовать его теперь и нужен ли он вообще. Потребовалась перестройка привычек, навыков, перестройка производственной психологии. А тут нужен подход не административный, а психологический, научный. Нагрузку дояркам пока не увеличили, просто облегчили труд. Пусть привыкнут, освоятся, а наблюдения покажут, что дальше предпринять и когда.

Вообще тому, как и на что реагируют люди, Владимир Павлович придавал очень большое значение. Ведь

все сперва проходит через ум и сердце, все должно быть выношено.

Вопросы экономики тесно связаны с подходом к людям, с воспитанием полноценной личности. Дороже человека у нас нет никаких ценностей и, стало быть, относиться к нему требуется все более умно, толково, человечно, по-хозяйски. Инфаркты и рано истрепанные нервы в результате неумного администрирования (а такие рецидивы еще встречаются) должны рассматриваться как преступление, растрата самого дорогого достояния общества. Мы называем себя коллективистами, а стало быть, не принадлежим только сами себе, мы принадлежим и всему обществу. С этой точки зрения как эгоизм лодыря, так и волюнтаризм ретивого администратора, действующего якобы в интересах общества, стоят где-то рядом и в одинаковой степени вредны.

Иной хозяйственник, полагая, что все зависит только от его «твердой руки», от его нагоняев и «раздолбонов», начинает действовать методом приказа, методом голого администрирования. Между тем, в коллективе, подчиненном такой самонадеянной голове, таятся колоссальные богатства человеческой души, ума, знаний, опыта, инициативы, творчества, — что дороже всякого золота и хлеба, что всячески нужно развивать, воспитывать и направлять на общую пользу.

За каждым человеком стоят десятилетия воспитания и обучения. Ему все лучшее отдали родители, школа, комсомол, институт или техникум, партия, Советская власть. Он обошелся очень дорого и если встал на ноги и начал трудиться, то первой заботой о нем должна быть такая забота, чтобы он прослужил в добром здравии и расположении духа как можно больше времени и как можно больше окупил себя, то есть — принес пользы обществу, полнее проявил свои способности. В цитированной уже книге В. И. Терещенко говорится: «...К сожалению, на человека часто смотрят иначе (чем на машину. — Н. Ф.). А между тем, при неправильной организации труда он тоже быстро выходит из строя. Если люди систематически не едят вовремя, остаются без отдыха, не высыпаются и лишь работают день и ночь, то это, конечно, может дать большую отдачу на сегодня, завтра, месяц, а потом... все это кончится инфарктом в 40 лет. Кто от этого выигрывает? Никто. А проигрывает

все общество, ибо важно не то, сколько сделает человек за месяц или несколько лет, а какова его отдача на благо всех людей за всю его жизнь...»

Когда мы говорили с Владимиром Павловичем на эту тему, то он, имея в виду рецидивы администрирования и штурмовщины, подчеркнул, что, во избежание всего этого, очень важно воспитать и подобрать кадры, правильно обращаться с людьми.

— У нашего Михаила Максимовича, — сказал он, — между прочим, очень сильна крестьянская элоквенция, это многое дает.

Я заметил, что он подчеркнул это слово — «крестьянская». Значит, мало говорить гладко. Надо говорить языком народа, так же образно и красочно. Это не значит, конечно, «окать» и «чавокать». Теперешний крестьянин — грамотный человек. Но своеобразная народность языка существует как всегда. Ведь не канцелярии, а народ является языкотворцем и, конечно, народу ближе, родней, понятней его живое и яркое слово, его сочный и образный юмор.

Михаил Максимович умеет не только говорить с людьми — он умеет их растить. Колхозные кадры, в первую очередь специалисты, сформировались не сразу, они долго и тщательно подбирались. Ступников не держал их, как бычка на веревочке. Напротив, им доверяли все, чего в иных местах только могли желать. Действуй! Действует человек, — сразу видны: где — хорошая хватка, где — ошибки. Но за то, что человек учится ходить самостоятельно и спотыкается, не наказывают. Тут надо поощрять, помогать. Ну, а если не горит человек, — что ж, насильно мил не будешь, такие уходят.

Почти все теперешние специалисты колхоза подобраны: еще в ту пору, когда они учились в институте и проходили в колхозе производственную практику. Им повезло. Не везде столь крепка материальная база, позволяющая смело идти на осуществление полезных начинаний, и не везде к специалисту подходят с такой меркой, как здесь. Даже очень хорошие специалисты в иных местах, случалось, оказывались словно бы на привязи у какого-нибудь Иван Иваныча, который все делал и решал «сам». Проходило немало времени, пока привязь эта рвалась наконец, и все видели, что человек и без поводка ходить умеет, да еще как! А время ушло и отдача

была не та, какой могла быть. Умеют в колхозе учить не только на достижениях, но и на упущениях. Тут все дело в том, как учить.

Говоря о воспитании и дисциплине, Владимир Павлович затронул интересную тему:

— У нас порой, не особенно задумываясь, поучают: «Нехорошо ведешь себя молодой человек: это у тебя пережитки капитализма». А молодой человек никогда и не соприкасался с капитализмом, поскольку и родители его при социализме выросли. Значит, эти слова его не могут затронуть. Вряд ли идет на пользу такое толкование теперешних грехов...

Действительно. Многие отрицательные явления в нашей жизни должны иметь более точные определения. Это часто не что иное как издержки нашего воспитания, наша недоработка. Ведь мы учим и воспитываем наших детей, а не те, в чьих пережитках мы их порой упрекаем. А то этот «пережиток» вроде щита получается, за который можно спрятаться. Он, он виноват — пережиток (будто с ним и родился человек), а наше дело, вроде, сторона.

Изучая своих колхозников, секретарь парткома сделал любопытные наблюдения. Абсолютное большинство из них стремится как бы к выравниванию своего социального положения. Были заданы вопросы почти каждому колхознику: вот есть, мол, у вас хорошая квартира, есть бытовые приборы, мотоцикл, неплохая зарплата, дети учатся. Чего бы вы хотели еще? Оказалось, что одни хотели бы получить лучшее образование, больше узнать обо всем. Другие рассуждали так: а что хорошего, что много читаю и знаю? Раньше меньше знал, но спокойнее было, а сейчас думаешь, думаешь... Третьи особенно не печалились: зачем, собственно, учиться? Все равно работать надо. Вот на эти две последние категории и направлялось в первую очередь воспитательное воздействие партийной организации.

Беспокоило секретаря парткома, что в домах культуры нет по-настоящему квалифицированных работников. Средние культпросветучилища выпускают специалистов недостаточной квалификации и опыта. Прежним требованиям они, возможно, и отвечали. Теперешним — нет. Теперь колхозник, особенно молодой, — и сам в большинстве с образованием. Он много читает, слушает ра-

дио, к его услугам телевизор. Он знает себе цену и на всякую халтуру не пойдет, даже если приезжают «московские» артисты. Конечно, в Доме культуры можно организовать хор, танцы, провести вечер вопросов и ответов, вечер отдыха. Но все это давно уж не в диковинку. Для многих интереснее посмотреть телевизор, потому что там они находят нечто более полезное для ума и сердца. И вот колхозные дома культуры часто пустуют, несмотря на то, что эти дома сейчас уже далеко не то, что прежние очаги культуры: в большинстве это лучшие здания сел, и обошлись они колхозам в десятки тысяч рублей.

Причин такого положения немало. Одна из них, и немаловажная, — низкие должностные оклады сельских культпросветработников. Они получают меньше, чем практически зарабатывают подчас уборщицы тех же самых клубов, не говоря уже о заработках механизаторов. А ведь зарплата — не только средство существования человека, это и мерило его заслуг, своеобразная оценка его общественного положения. Право же, странно получается, когда уборщица и кочегар, содержащие дом культуры в чистоте и тепле, получают неплохую зарплату, а специалисты, для деятельности которых собственно и построен этот дом, не идут туда работать из-за низких окладов.

Но дело не только в этом.

— Мы бы хорошему работнику доплачивали из средств колхоза, — говорил Владимир Павлович, — да где их взять — таких работников?

Действительно, настоящих специалистов культурно-просветительной работы пока не густо, и трудятся они в основном в городах. Между тем, именно село требует специалистов широкого профиля с хорошей подготовкой, знающих толк и в книге, и в музыке, и в живописи, любящих свое дело и умеющих приохотить к нему других. Это очень важно.

Несмотря на плохую обеспеченность культпросветработниками, в домах культуры бывают, конечно, не одни только танцы да кино. Выступают свои и приезжие лекторы, проводятся беседы, выступают знатные люди. Но и здесь есть свои проблемы. Лет двадцать-тридцать назад каждое такое выступление воспринималось с жадностью: сельские жители были еще не очень образованы,

тянулись к знаниям, хотели получить ответы на многочисленные «как», «что» и «почему». Теперь же не всякий выступающий устраивает сельскую аудиторию. Он должен быть на голову выше своих слушателей, тоже быть мастером своего дела. А то порой приходится наблюдать, что «сплять люди». Злободневность, новизна, свежесть открытия, яркость изложения — вот что требуется нынешнему колхознику, — то есть пища для ума, для размышлений. Если он несколько раз натолкнется на серость и заурядность, то пожалеет свое время и лучше уж посидит дома у телевизора.

Словом, вопрос о калорийной духовной пище на селе становится все более насущным, таким же насущным, как хлеб. Потому что не хлебом единым живет человек, а зажиточный — тем более.

Потребностью в научном ведении хозяйства продиктовано и то обстоятельство, что в «Приамурье» еще несколько человек работают над диссертациями — главный агроном, главный инженер, заместитель председателя, инженер-строитель. Все это молодой еще народ, как, впрочем, и все специалисты в колхозе.

У главного инженера Валерия Петровича Худолеева, например, тема производственно-техническая. Он, пожалуй, самый молодой из «главных». Что-то в его внешнем облике сохраняется студенческое. Он испытывает и сравнивает различные машины, в частности с колесным и гусеничным ходом. Разумеется, с учетом местных условий. Худолеев считает, что машины с колесным ходом долговечнее, лучше сохраняется шасси, полнее используются энергоресурсы. В перспективе — самоходное шасси, способное заменить несколько современных машин. Оно испытывается под непосредственным наблюдением главного инженера. На заметку и разработку берутся слабые детали и узлы.

Разговоры о самоходных шасси идут уже давно, и широкого применения они пока не нашли, не все в них еще совершенно. Когда устранятся несовершенства, они будут с успехом заменять трактора, комбайны, автомобили. На одном шасси может быть по желанию установлен либо молотильный аппарат и жатка, либо плуг и другая навесная техника. Прошли полевые работы — ставь кузов или прицеп и вози какие угодно грузы. Мо-

тор работает круглый год. Механизатор один и тот же, в одном лице — тракторист, комбайнер, шофер, и заработок у него не сезонный, а круглогодовой.

А взять теперешние комбайновые моторы. Работают они месяца два-три в году, да и то урывками, остальные девять-десять месяцев стоят на приколе. В «Приамурье», где очень высока насыщенность техникой, многие комбайны работают и того меньше. Тысячи лошадиных сил простаивают. Конечно, они свое дело делают: известно, что лучше больше машин пустить, да вовремя хлеб хорошо убрать, чем малым числом убирать долго и половину хлеба потерять. Такие потери обходятся дороже машин и зарплаты механизаторам. Ведь не случайно во время уборки порой через всю страну везут куда-нибудь комбайны и комбайнеров, грузовики и шоферов. Но и то обстоятельство, что тысячи лошадиных сил девять-десять месяцев в году простаивают, не может не тревожить расчетливого хозяина. Да еще надо учесть, что техника развивается стремительно, машинный парк обновляется чуть ли не ежегодно. А «стоячие» моторы куда девать? Они ведь еще почти новенькие. И нередко приходится их списывать. Это невыгодно.

Худолеев в своей диссертации бьется за то, чтобы каждый мотор, каждая машина как можно полнее окупали себя.

Когда в колхозе механизировали животноводство, главному инженеру и его коллегам пришлось многое решать по-своему, иногда отступать от проектов. Проектировщики, будь они неладны, отстают порой от запросов хозяйств, особенно крупных, способных поставить дело на индустриальную основу. И потому отстают, что редко навещают те колхозы, для которых проектируют, или недостаточно исследуют изменения, происходящие в селах. На местах приходится то помещения перекраивать, то по-иному монтировать всю проектную механизацию. А дело это «кляузное» — не так-то просто отступить от проекта, даже за счет собственных денег: Госбанк строго контролирует все сметы и проекты. И встает вопрос: почему бы с учетом запросов сельского строительства, с учетом местных хозяйственных условий не поощрять проектирование на местах? Сейчас оно слишком централизовано. Нужно расковать инициативу и творчество местной технической и хозяйственной мысли.

Как уже говорилось, эти заметки возникли после недавних поездок по амурской степи, разговоров с людьми, с которыми уже приходилось не раз встречаться прежде. Можно было многое написать о разительных и радостных переменах последних лет, о замечательных людях сельского труда, которыми так богато Приамурье. Но главное для нас — дальнейшее движение вперед. Поэтому здесь и подняты вопросы, еще не решенные до конца, требующие раздумий, анализа, сопоставлений. Этим и обусловлен выбор материала и трактовка его.